

Анастасия Мевченко

Родилась в 1981 году в городе Канске Красноярского края, где и проживает в данный момент. Работает индивидуальным предпринимателем в сфере производства вывесок. Участница литературного курса Text_pro в Екатеринбурге (2022). Публикуется впервые. Подборка рассказов готовится к печати в журнале «Урал».

УКРАНА

Рассказ

На первый взгляд можно было подумать, что Олег сжал кулаки, но нет. Он как бы схватил крепко четыремя пальцами руки пятый, большой, и начал усердно выпрямлять на нем косточку посередке. Как в детстве, когда нужно было промолчать на ковре у директора или не врезать прямо в рыло однокласснику, ведь учитель уже поймал обоих, надо сосредоточиться на руках. Вот и сейчас хотелось зависнуть где-то внутри себя, чтобы не смотреть на сидящих перед ним старшеклассников.

В лицей его пригласили как участника СВО. Вот только на хрена? Один клюет носом в свой проклятый смартфон, другая разглядывает ногти. Третий смотрит мимо. Ни одного прямого, обнаженного взгляда, ни одного электрического, короткого, но прошибающего сразу слова, к которым он так привык ТАМ, на передке. Нет.

И слова педагога в ответ на такое простое предложение: «А давайте пойдём помогать родственникам мобилизованных, особенно погибших. Снег чистить, уголь кидать, все такое...» – «Не-е-е-ет. Мы не можем использовать труд несовершеннолетних».

Почему? Почему, когда ТАМ мясо, грохот, боль, огонь, когда там разрывает на куски детей, здесь все пытаются жить обычной жизнью?! Как будто ничего не происходит. Почему им все равно? Какие ногти? Какой смартфон? Блин...

Откуда-то с улицы опять слышится приглушенный плач. Вначале, после госпиталя, он подрывался. Бежал. Выяснял. Искал. Но когда жена начала молча плакать и думать, что он поехал головой, решил попридержаться коней. Понаблюдал за мирными – ничего подобного у них нет.

Списался «ВКонтакте» со своими, понял, что это и дома слышат только пацаны. Что это ОНА ИХ ЗОВЕТ обратно. Ей холодно, одиноко, бо-о-о-ольно. И голос, как обычно, девчачий.

Впервые Олег встретил ее в Каховке. На сухпайке долго не просидишь – решили с пацанами посмотреть в магазине чего-нибудь свеженького, на супчик. Навстречу девчонка с мамой за ручку. Веселая. Видит военных и машет, довольная. Таких вообще было много, на станциях в деревнях приветствуют военные поезда. А бабушки крестят.

И тут – обстрел. Маму на куски. А девочка в общем целая... Но рука отдельно, и мамина рука ее держит. В своей. Крепко.

Тогда Олег решил для себя, внутренне, что по ту сторону нелюди. И теперь они его цель. Девочку, уже без сознания, перетянули жгутами и отправили на скорой в город. О судьбе ее больше ничего не слышали.

А потом она начала приходить. В одно и то же место на передке. Почти ко всем в роте снайперов. Рассказывать друг другу подробности было как-то ссыкотно: все взрослые мужики, сибиряки, не какая-нибудь Москва в коротких штанишках. Поэтому перебрасывались:

– Было?

– Было.

И все понятно. А она как будто давала задания, что ли. Первым получил Вадик Сергеев. Тогда у него был какой-то другой позывной, а после трансформации стал Апостолом. Это придумали пацаны, а значит, правильно.

Обычный рядовой на передке переквалифицировался во врача. Док – тот и дома был медиком в тюрьме, а на фронте стал настоящим святым. Но вот Апостол – отдельный разговор.

Профессиональные врачи, к сожалению, слабы. И духом, и телом. В палатке лечат, но дальше выходить боятся. А это же самое главное – перетянуть на месте, притащить на себе в укрытие. И Апостол, вдруг, начал делать это мастерски. Как никто. Вынося на себе пацанов из таких переделок, что не приведи господь, а сам без единой царапинки. Ну не Божий ли промысел?

Олег видел УкРАНУ – это такой коротенький позывной они придумали своей коллективной галлюцинации (из чего складывается и ежу понятно) – чаще других. Как сам с собой мысленно шутил: все-таки командир, положено, позывной Кан, а со временем Атаман. Она приходила обычно той самой девочкой без руки. Плакала, жаловалась, что болит, что ни за что ее обижают, калечат. А она хочет просто жить. Быть обычной – веселой, беззаботной. Но изредка виделась старуха:

– Сыночка, дай мне хлебушка. Нету хлеба – отдай свою руку. А если и руку уже потерял, хочу твое сердце!

Пару раз была голой женщиной с длинными волосами. Целовала, рядом ложилась. Жена узнает – убьет.

И ничего. Никаких указаний или заданий. Вот то ли дело у Мусы! Его суперспособность – ходить на ту сторону как к себе домой. В миру, кстати, предприниматель (продукты питания). Так вот, он все шастал за фотками погибших пацанов. Это когда понятно, что их больше нет, а трупы там, значит, семья не получит от государства выплаты. Надо помогать. И вот как-то вернулся и говорит: вооруженный блокпост положил. Шесть человек ножом. Конечно, никто не поверил. А он сходил еще раз и сфотал...

Другому УкРАНА вообще что-то странное шепнула – тот у себя на посту нишу выкопал, в нишу – шкафчик, чтоб дым от плиточки с туркой не шел. И вот накашеварит у себя самый лучший в мире эспрессо и бегаёт по тран-

шее от поста к посту с чайничком. Пацанов поит. Позывной Кофе.

У каждого свое. А что ж Олегу? Он с этим вопросом – почему УкРАНА ему задания не дает – к Батюшке. Был такой доброволец в их рядах. Молился, перед каждым боем крест целовать давал. А когда выслушал Олега, обнял его, как ребенка, и заплакал. Уговорил этого пионера-комсомольца по-настоящему креститься. С тех пор у Олега на шее особый оберег, а на голове вместо каски – казачья кубанка. Батюшка разрешил.

Он, кстати, как Кана, впоследствии Атамана, окрестил, в тот же день попал под «Хаймерс». А потом девять дней подряд голубем прилетал в то самое место, где ко всем пацанам приходила УкРАНА. Прилетит, крылышки вниз спустит и бродит, как будто гладит ее. Жалеет.

За короткий срок Апостол, по официальным данным, вынес из огня тридцать шесть человек. По данным пацанов – сорок восемь. Тогда у него появилась мечта – после СВО отучиться на фельдшера, работать на скорой. Но, видимо, не суждено: поехал домой «трехсотым». Тронулся умом.

Из святых в роте остался только Док. И когда Олега ранило, он первым делом кричал Русе Плазме (о нем как-нибудь в другой раз): «Только Дока не зови, не зови!» Ясно было, что сейчас начнется огонь. А если Дока убьет, остальным крышка.

Все началось, когда Олег услышал жужжание дрона. Вскинул винтовку, чтобы хлопнуть его. Поднял взгляд. Понял, что снаряд уже летит на него. Закрыв глаза. Взрыв. Ранило в ногу, в печень, в голову. Был бы в каске – оторвало б. А так... в кубанке. Она ж мягкая...

Впрочем, сейчас не в ней. Сидит, как клоун, перед этими мажориками, хрустит костяшками. На хрена ему это все? А за окнами плач. Она зовет. Выпрашивает. Ей больно.